

РОЗЫСК ЛИЦ, ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ, КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ В РАМКАХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Одиназода И.А.

Академия МВД Республики Таджикистан
(Мастонгулова ул., д. 3, г. Душанбе, Республика Таджикистан, 734024)
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Одиназода И.А. Розыск лиц, пропавших без вести, как основание для ограничения конституционных прав в рамках оперативно-розыскной деятельности. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(3):92–101. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-92-101>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Одиназода Исфандиер Ахмад, кандидат юридических наук, докторант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: diyor-13@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 03.08.2026

Статья принята к печати: 31.08.2026

Дата публикации: 23.09.2026

Аннотация: В статье произведен анализ проблематики розыска лиц, пропавших без вести, как самостоятельного основания для ограничения конституционных прав в рамках оперативно-розыскной деятельности. Автор констатирует несоответствие между фактическим содержанием розыскных мероприятий и действующей правовой моделью их судебного санкционирования. В статье продемонстрировано, что розыск без вести пропавших лиц по своему целевому назначению не сводится к раскрытию преступлений, но объективно предполагает применение оперативно-розыскных средств, предполагающих ограничение тайны частной жизни, переписки и коммуникаций. В условиях цифровизации розыскная деятельность все в большей степени опирается на анализ данных геолокации и цифровых следов. Особое внимание уделяется роли судебного разрешения как предварительного механизма легитимации такого вмешательства и условия последующей процессуальной пригодности полученной информации в уголовном судопроизводстве. Обосновывается вывод о непоследовательности норм оперативно-розыскного законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан, что выражается в ограниченном признании отдельных форм вмешательства, но без пересмотра исходной конструкции оснований оперативно-розыскной деятельности. Формулируется предложение о включении сведений о пропаже без вести лица в перечень обстоятельств, при наличии которых допускается ограничение конституционных прав при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий на основании судебного решения.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, розыск без вести пропавших лиц, ограничение конституционных прав, судебное разрешение, тайна частной жизни, цифровые следы.

THE SEARCH FOR MISSING PERSONS AS A BASIS FOR THE RESTRICTION OF CONSTITUTIONAL RIGHTS IN THE FRAMEWORK OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

Isfandiyor A. Odinzoda

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan
(Mastongulov str., 3, Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734024)
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Odinzoda I.A. The search for missing persons as a basis for the restriction of constitutional rights in the framework of operational search activities. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(3):92–101. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-92-101>

CONTACT INFORMATION:

Isfandiyor A. Odinzoda, Cand. of Sci. (Law), Doctoral Candidate at the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: diyor-13@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 03.08.2026

The article has been accepted for publication: 31.08.2026

Date of publication: 23.09.2026

Annotation: The article analyzes the issues of searching for missing persons as an independent basis for restricting constitutional rights in the framework of operational search activities. The author notes the discrepancy between the actual content of the search activities and the current legal model of their judicial authorization. The article demonstrates that the search for missing persons for its intended purpose is not limited to the detection of crimes, but objectively involves the use of operational investigative means involving the restriction of privacy, correspondence and communications. In the context of digitalization, investigative activities increasingly rely on the analysis of geolocation data and digital footprints. Special attention is paid to the role of judicial authorization as a preliminary mechanism for legitimizing such interference and as a condition for the subsequent procedural suitability of the information obtained in criminal proceedings. The conclusion is substantiated about the inconsistency of the norms of the operational investigative legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan, which is expressed in the limited recognition of certain forms of interference without revising the initial design of the grounds for operational investigative activities. The article formulates a proposal to include information about a missing person in the list of circumstances in which constitutional rights may be restricted in the implementation of operational search measures based on a court decision.

Keywords: operational search activity, search for missing persons, restriction of constitutional rights, judicial permission, privacy, digital traces.

Введение

Традиционная модель получения судебного разрешения на производство оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), ограничивающих конституционные права личности, формировалась в логике, тесно связанной с уголовно-правовым представлением о целях и задачах вмешательства государства в сферу частной жизни. В ее основе лежит допущение о том, что ограничение конституционных прав оправдано, прежде всего, необходимостью противодействия преступлению, уже совершенному либо подготавливаемому, а также защитой интересов государственной и общественной безопасности.

Поэтому в оперативно-розыском законодательстве формализован закрытый перечень обстоятельств, при наличии которых допустимо проведение мероприятий, затрагивающих тайну частной жизни, переписки и коммуникаций. Триада обстоятельств, информация о наличии которых выступает условием для проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права, представлена информацией о противоправном деянии, лице (лицах) его готовящем или совершающем, а также о событии и деяниях, угрожающих национальной безопасности (ч. 2 ст. 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹; ст. 8 Закона Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 687 «Об оперативно-розыскной деятельности»²).

Однако уже на уровне внутренней логики правового регулирования обнаруживается, что данная модель изначально носит редукционистский характер и исходит из презумпции уголовно-правовой релевантности любой информации, получаемой в ходе оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), тем самым подменяя многообразие фактических задач ОРД единым уголовно-ориентированным вектором. Между тем сама структура оперативно-розыскной деятельности допускает более широкий спектр целей, не сводимых к обеспечению уголовного преследования. Как указывают А.В. Шахматов и Р.В. Глубоковских, «речь идет о розыске известного установленного лица, подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления либо лица, пропавшего без вести, тогда как розыск в широком смысле рассматривается как комплекс мероприятий, первым из которых является установление личности, подлежащей розыску» [17, с. 119]. В.А. Семенцов считает, что розыск лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, служит самостоятельным направлением использования результатов оперативно-розыскной деятельности [15, с. 85].

Целью настоящего исследования является обоснование необходимости включения розыска без вести пропавших лиц в перечень оснований для ограничения конституционных прав при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий на основании судебного решения.

Методы исследования

Исследование основано на анализе действующего оперативно-розыского законодательства Российской Федерации (Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности») и Республики Таджикистан (Закон Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 687 «Об оперативно-розыскной деятельности»), а также научной литературы по вопросам оперативно-розыскной деятельности, розыскной и идентификационной деятельности органов внутренних дел, конституционного и уголовно-процессуального права.

Методологическую основу составили формально-юридический метод (анализ нормативных конструкций оснований для ограничения конституционных прав при проведении ОРМ), сравнительно-правовой метод (сопоставление законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан), системно-структурный метод (исследование места розыска без вести пропавших лиц в системе задач ОРД), а также метод телеологического толкования (анализ целевого назначения судебного санкционирования в контексте розыскной деятельности).

Результаты исследования

Проведенный анализ с использованием вышеуказанных методов позволил получить основные результаты, раскрывающие суть исследуемой проблемы. В ходе исследования выявлено фундаментальное противоречие, лежащее в основе правового регулирования розыска пропавших без вести лиц: несоответствие гуманитарной цели этой деятельности и оперативно-розыскного инструментария, применяемого для ее достижения. Сравнительный анализ целевых установок демонстрирует, что если уголовно-процессуальная деятельность направлена на ретроспективную реконструкцию события преступления, установление причинно-следственных связей и изобличение виновных, то розыск ориентирован на установление актуального местонахождения лица в настоящем времени. Это качественно иной целевой порядок, преследующий по своей сути гуманитарную цель – спасение человека. Однако, как показывает анализ правоприменительной практики, розыск без вести пропавших лиц фактически осуществляется с использованием того же арсенала оперативно-розыскных средств, что и расследование преступлений. Сбор сведений о круге общения, перемещениях, образе жизни, особенностях поведения и цифровой активности разыскиваемого объективно предполагает обращение к информации, составляющей охраняемую законом тайну

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

² Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Республики Таджикистан от 25.03.2011 г. № 687 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2011. № 3. Ст. 155.

частной жизни, переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений и иных сообщений. Таким образом, возникает парадоксальная ситуация: деятельность, преследующая не уголовно-правовую, а гуманитарную цель, по своему инструментарию и степени вмешательства в частную жизнь оказывается сопоставимой с уголовным преследованием, но при этом осуществляется без тех же правовых оснований и процессуальных гарантий.

Научная дискуссия

Действующая модель получения судебного разрешения ориентирована на проверку формального соответствия заявленных оперативным подразделением целей установленному законом перечню. Судебное решение фактически выполняет роль процедурного допуска, не предполагающего анализа того, насколько конкретное оперативно-розыскное мероприятие по своему содержанию и последствиям сопоставимо с иными формами ограничения прав, уже подлежащих обязательному судебному контролю.

При этом сама идея судебного санкционирования в оперативно-розыскной деятельности изначально была призвана обеспечить баланс между интересами публичной безопасности и защитой конституционных прав личности. Такой баланс предполагает, что решающим фактором является не целевая направленность деятельности как таковой, а характер ограничений, которым подвергается конкретное лицо. Если вмешательство затрагивает сферу частной жизни в сопоставимом объеме, правовая форма его легитимации не может зависеть исключительно от того, включено ли соответствующее основание в уголовно-правовую триаду.

В условиях, когда оперативно-розыскная деятельность все чаще реализуется в пространстве, предшествующем уголовному судопроизводству и не совпадающем с ним по своим задачам, традиционная модель судебного санкционирования демонстрирует ограниченную применимость. Она не учитывает переходный характер значительной части оперативной информации, которая может не иметь уголовно-правового значения на момент получения, но приобрести его впоследствии.

Именно в этой точке проявляется необходимость пересмотра исходных предпосылок модели судебного санкционирования. Как отмечает П.И. Иванов, «успешное решение задач розыскной и идентификационной деятельности немислимо без предварительного научного осмысления ее сущности, содержания, места и роли в системе оперативно-розыскной деятельности» [5, с. 86]. Речь идет не о расширении полномочий оперативных подразделений и не о снижении уровня конституционных гарантий, а о смещении фокуса с формального основания вмешательства на его фактическое содержание. Такой сдвиг позволяет рассматривать судебное разрешение как универсальный механизм предварительной легитимации ограничений прав, независимо от того, вписывается ли конкретная ситуация в традиционную уголовно-правовую конструкцию.

В противном случае оперативно-розыскная деятельность продолжит развиваться в условиях нормативного несоответствия, при котором интенсивность вмешательства в частную сферу опережает возможности его правового осмысления.

Розыск без вести пропавших лиц в системе оперативно-розыскной деятельности занимает положение, которое с трудом описывается средствами традиционной уголовно-процессуальной науки. Его целевая направленность изначально не связана с установлением события преступления, формированием доказательственной базы либо изобличением виновных. По мнению П.И. Иванова, «установление местонахождения пропавших без вести граждан, идентификация неопознанных трупов и розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, образуют единую системную совокупность» [6, с. 155]. В центре розыскной активности находится иная задача – установление местонахождения конкретного лица при утрате с ним связи и отсутствии достоверных сведений о причинах такого исчезновения. Уже это обстоятельство позволяет говорить о качественно ином целевом порядке розыскной деятельности по сравнению с деятельностью, ориентированной на раскрытие преступлений.

Сложность правовой оценки розыска без вести пропавших лиц обусловлена тем, что он разворачивается в зоне неопределенности. На момент начала розыскных мероприятий отсутствуют данные, позволяющие уверенно квалифицировать ситуацию как уголовно-правовую. Проверка версии о возможном преступлении составляет лишь одну из гипотез, наряду с иными объяснениями исчезновения, которые могут носить непреднамеренный, социальный либо личностный характер. В рамках действующего регулирования розыск без вести пропавших лиц формально включается в сферу оперативно-розыскной деятельности, хотя его функциональная логика остается отличной от логики уголовного преследования.

Раскрытие преступления предполагает ретроспективную реконструкцию события, установление причинно-следственных связей и установление ответственности виновных лиц. Розыск, напротив, ориентирован на актуальное состояние объекта и направлен на локализацию его местонахождения в настоящем времени. Как указывают А.Ф. Майдыков, А.А. Майдыков и А.В. Парфенов, «задачи оперативно-розыскной деятельности выходят за границы уголовного судопроизводства, включая розыск без вести пропавших лиц, что при этом не получает надлежащего нормативного отражения» [11, с. 353].

Несмотря на различие целей, розыск без вести пропавших лиц фактически осуществляется с использованием тех же оперативно-розыскных инструментов, что и деятельность по выявлению и раскрытию преступлений. Сбор сведений о контактах, перемещениях, образе жизни, цифровой активности разыскиваемого лица объективно предполагает обращение к информации, затрагивающей сферу частной жизни.

Такое совпадение инструментов при расхождении целей порождает методологическое напряжение внутри правового регулирования. Законодательная модель, ориентированная на уголовно-правовую триаду, оказывается неспособной адекватно описать ситуацию, в которой ограничение прав осуществляется не ради противодействия преступлению, а в интересах установления местонахождения лица и предотвращения возможных негативных последствий его исчезновения.

Дополнительное усложнение вносит то обстоятельство, что розыск без вести пропавших лиц нередко выполняет функцию предварения уголовного судопроизводства. По мере накопления информации версия о преступлении может получить подтверждение, после чего розыскная деятельность трансформируется в расследование. Вместе с тем на начальном этапе эта перспектива остается лишь вероятностной. Тем не менее, именно на этой стадии закладывается информационный массив, который в дальнейшем может приобрести процессуальное значение. Отсюда следует, что автономия розыска не устраняет его связи с уголовным процессом.

Рассмотрение розыска без вести пропавших лиц как деятельности иного целевого порядка позволяет по-новому поставить вопрос о правовых основаниях оперативного вмешательства. Если исходить из того, что решающим является не формальная направленность деятельности, а характер ограничений, которым подвергается лицо, то розыск не может рассматриваться как второстепенное или вспомогательное направление ОРД. Розыск представляет собой самостоятельный сегмент оперативной активности, требующий собственной нормативной логики и сопоставимого уровня правовых гарантий. Именно это обстоятельство обеспечивает переход к анализу ограничения конституционных прав, которое сопровождает розыск без вести пропавших лиц независимо от его исходной цели.

Фактическое ограничение конституционных прав при розыске без вести пропавших лиц проявляется не как побочный эффект оперативной деятельности, а как ее структурное свойство. Уже на первоначальном этапе розыска формируется потребность в получении сведений, которые по своему содержанию затрагивают сферу частной жизни разыскиваемого лица, его коммуникации, перемещения и социальные связи [1; 10]. Эта потребность не обусловлена произвольным выбором оперативных подразделений, а вытекает из самой логики поиска, ориентированного на восстановление утраченной связи с конкретным человеком.

Сбор информации при розыске неизбежно выходит за пределы формально нейтральных данных. Установление круга контактов, анализ маршрутов передвижения, выявление устойчивых моделей поведения предполагают обращение к сведениям, которые в обычных условиях остаются недоступными третьим лицам. В этом смысле розыскная деятельность не ограничивается фиксацией внешних обстоятельств исчезновения, а затрагивает внутреннее пространство частной жизни, включая особенности повседневной активности, неочевидные социальные взаимодействия и индивидуальные практики использования средств связи и цифровых сервисов [12].

Особенность данной ситуации состоит в том, что вмешательство в сферу конституционных прав осуществляется вне четко очерченного уголовно-правового конфликта. На момент начала розыска отсутствует процессуальное решение, способное задать рамки допустимости вмешательства, а само лицо не обладает статусом участника уголовного судопроизводства. Тем не менее, объем собираемой информации и способы ее получения сопоставимы с теми, которые применяются при расследовании преступлений. Е.В. Буряков акцентирует внимание на том, что «первичная проверка поступивших материалов о розыске начинается со сбора сведений о разыскиваемом лице в сети Интернет, что фактически становится исходной точкой розыскной работы» [2, с. 15]. В практическом

измерении фактическое ограничение прав проявляется через обращение к данным операторов связи, поставщиков цифровых услуг, транспортных и навигационных сервисов. Даже при отсутствии доступа к содержательной стороне коммуникаций анализ метаданных позволяет реконструировать модель поведения лица с высокой степенью детализации. Такая информация способна раскрывать не только маршруты и временные параметры перемещений, но и социальные предпочтения, интенсивность общения, характер взаимодействия с отдельными лицами. С.А. Закаев подчеркивает, что «розыск лиц, пропавших без вести, является одной из главных функций розыскной работы органов внутренних дел и относится к числу приоритетных направлений оперативно-розыскной деятельности» [4, с. 189].

Принципиальным является и то обстоятельство, что получаемые сведения нередко затрагивают права неопределенного круга лиц. В процессе розыска анализируются коммуникации и контакты, в которые включены третьи лица, не имеющие отношения ни к исчезновению, ни к возможному преступлению. Их частная жизнь оказывается вовлеченной в сферу оперативного интереса опосредованно, без гарантий, сопоставимых с гарантиями в рамках уголовного судопроизводства.

Следовательно, при розыске без вести пропавших лиц ограничение конституционных прав носит не эпизодический, а системный характер и обусловлено не исключительными обстоятельствами, а самой природой розыскной деятельности в условиях цифровой среды. Игнорирование этого факта в нормативной модели приводит к ситуации, при которой интенсивное вмешательство в частную сферу осуществляется без адекватного правового основания и предварительной оценки его допустимости. Именно это обстоятельство выводит проблему розыска за рамки технических вопросов организации оперативно-розыскной деятельности [13; 16].

Современный розыск практически невозможен без обращения к цифровым следам, формируемым в процессе повседневной активности человека. В литературе справедливо указывается, что «современное развитие цифровых технологий происходит революционным путем. С каждым днем множатся их виды, способы и направления правового применения» [15, с. 89].

Использование мобильной связи, сетевых сервисов, навигационных приложений, платформ электронной коммуникации привело к тому, что значительная часть социального поведения фиксируется в форме данных, доступ к которым становится ключевым условием результативности поиска. Переход к цифровой среде изменил не только объем доступных сведений, но и характер вмешательства. Получение информации о местоположении, активности и коммуникациях человека сегодня осуществляется через использование средств информационной инфраструктуры государства, не вписывающихся в традиционные представления об оперативно-розыскных инструментах.

А.М. Карякин пишет: «мероприятия по розыску при поступлении заявления об исчезновении человека не могут полноценно проводиться без взаимодействия с оператором связи для получения сведений по абонентским номерам мобильной связи, что предусматривает получение решения суда» [8, с. 161].

Особенно показательным является ограниченность нормативной категории «абонентское устройство», предполагающая связь между конкретным физическим носителем и лицом, тогда как современная коммуникация носит распределенный характер. Использование нескольких устройств, виртуальных идентификаторов, облачных сервисов размывает границы между средством связи и цифровой средой в целом. В результате законодательство продолжает оперировать категориями, которые не отражают реальную совокупность информационных инструментов, используемых при розыске. Д.М. Кудра по этому поводу отмечает, что «действующее оперативно-розыскное законодательство не позволяет использовать снятие информации с технических каналов связи во всех случаях розыска лиц, пропавших без вести» [9, с. 132].

Законодатель фиксирует лишь отдельные технологически очевидные формы доступа к информации, оставляя за пределами правового регулирования значительный массив данных, фактически используемых в розыскной практике. Технологическая трансформация усиливает и временной аспект вмешательства. Розыск в цифровой среде предполагает непрерывный анализ обновляющихся данных, а не разовое обращение к источнику информации, и в этой части может помочь искусственный интеллект, возможность внедрения которого особенно остро дискутируется учеными [3, с. 89]. Вмешательство приобретает процессуальный характер, растянутый во времени, что плохо согласуется с моделью разового разрешения на проведение конкретного мероприятия. Технологические изменения не просто усложняют розыск без вести пропавших лиц, но выявляют структурную несостоятельность действующих правовых моделей.

Судебное разрешение в системе оперативно-розыскной деятельности традиционно рассматривается как гарантия соблюдения конституционных прав при осуществлении мероприятий, затрагивающих частную сферу. Между тем, в условиях розыска без вести пропавших лиц, его значение выходит за рамки абстрактной защитной функции. Речь идет о предварительной оценке допустимости той информации, которая может быть получена в ходе розыскных действий и в дальнейшем использована в уголовном судопроизводстве.

О.В. Гладышева и В.А. Семенцов считают, что «судебная деятельность, в большей своей части соответствующая указанному смыслу категории «контроль», будет иметь место в тех случаях, когда суду следует установить соответствие каких-либо процессуальных действий или решений требованиям уголовно-процессуального закона» [14, с. 64].

Особенность розыскной информации состоит в ее переходном характере. На момент получения она не ориентирована на доказывание по конкретному уголовному делу и не включена в процессуальную форму. Вместе с тем именно эта информация часто становится отправной точкой для возбуждения уголовного дела, определения направлений расследования и принятия ключевых процессуальных решений. Судебное разрешение выполняет функцию предварительного фильтра, позволяющего соотнести характер вмешательства с конституционными ограничениями еще до того, как информация будет встроена в «ткань» уголовного судопроизводства.

Отказ от судебного санкционирования на розыском этапе фактически переносит оценку допустимости информации на более поздний этап, когда вмешательство уже состоялось, а его последствия необратимы. В этих условиях суд, рассматривающий уголовное дело, оказывается поставленным перед фактом использования информации, полученной вне четко обозначенных правовых рамок. Судебное разрешение при розыске без вести пропавших лиц не направлено на придание деятельности уголовно-репрессивного характера, поскольку его назначение заключается в ином – в обеспечении процессуальной устойчивости информации, получаемой в условиях неопределенности. Судебная оценка на ранней стадии позволяет задать правовые пределы вмешательства и тем самым сохранить возможность последующей трансформации результатов оперативно-розыскной деятельности в доказательства по уголовному делу.

Законодатель, признавая фактическую необходимость обращения к сведениям, затрагивающим сферу частной жизни, вводит точечные разрешительные конструкции, не перестраивая при этом общую модель оснований для ограничения конституционных прав. Показательна эволюция российского законодательства. Введение специальных правил доступа к информации о соединениях абонентского устройства при розыске без вести пропавших лиц стало реакцией на практическую потребность, уже давно оформившуюся на уровне правоприменения. Однако выбранное решение не затронуло исходную конструкцию перечня оснований, при наличии которых допускается проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права.

Новелла российского законодательства предоставила правоприменителю лишь доступ к информации о соединениях абонентского устройства, находящегося у без вести пропавшего лица, с иными абонентами и (или) их абонентскими устройствами, иным оборудованием, а также о местоположении данного абонентского устройства.

Такой подход порождает несколько следствий. Во-первых, он искусственно сужает объем допустимого вмешательства, связывая его с конкретным видом информации и игнорируя иные источники данных, без которых современный розыск утрачивает результативность. Во-вторых, формирует впечатление исчерпывающего правового решения, тогда как на практике остается значительный массив розыскных действий. В-третьих, усиливает зависимость правового режима вмешательства от технического способа получения сведений.

Непоследовательность проявляется и в том, что точечные новеллы не сопровождаются переосмыслением роли судебного разрешения. Судебная санкция оказывается привязанной к отдельным технологическим операциям, а не к розыскной деятельности как таковой. Как подчеркивает П.И. Иванов, «научно-теоретическое осмысление всех структурных элементов системы розыскной и идентификационной деятельности является необходимой предпосылкой для разработки современной модели, соответствующей реалиям сегодняшнего дня» [7, с. 348].

Переход к расширению перечня оснований ограничения конституционных прав при осуществлении оперативно-розыскной деятельности логически вытекает из выявленного несоответствия между фактическим содержанием розыскных мероприятий и их нормативной квалификацией. Речь идет не о добавлении нового «исключения» к уже существующим, а о

корректировке исходной конструкции. В этом смысле включение розыска без вести пропавших лиц в перечень таких оснований представляет собой шаг к восстановлению системной связности механизма правового регулирования. Оно позволяет нормативно зафиксировать ее автономный целевой характер при одновременном признании того факта, что используемые при розыске средства по своей интенсивности сопоставимы с иными формами вмешательства, уже подлежащими судебной легитимации.

Существенным является и то обстоятельство, что предлагаемое расширение устраняет необходимость прибегать к расширительному толкованию действующих оснований. Включение розыска без вести пропавших лиц в перечень условий проведения мероприятий, ограничивающих конституционные права, позволяет отказаться от искусственного подведения розыскной активности под категории, не отражающие ее фактического содержания. Одновременно такое расширение создает правовые предпосылки для единообразного судебного подхода к оценке допустимости вмешательства.

Проведенный анализ позволяет выявить более глубокий разрыв между фактической практикой оперативно-розыскной деятельности и ее нормативным оформлением. Предлагаемая редакция нормы устраняет искусственное разграничение между розыскной и уголовно-ориентированной оперативной активностью, не стирая при этом различий между ними, с фиксацией розыска без вести пропавших лиц как самостоятельной ситуации, в которой допустимо ограничение конституционных прав, но при соблюдении судебной процедуры.

Рассмотрение розыска лиц, пропавших без вести, через призму ограничения конституционных прав позволит выявить более глубокий разрыв между фактической практикой оперативно-розыскной деятельности и ее нормативным оформлением. Предлагаемая редакция нормы устраняет искусственное разграничение между розыскной и уголовно-ориентированной оперативной активностью, не стирая при этом различий между ними, с фиксацией розыска без вести пропавших лиц как самостоятельной ситуации, в которой допустимо ограничение конституционных прав, но при соблюдении судебной процедуры.

В результате включения розыска без вести пропавших лиц в перечень оснований ограничения конституционных прав при осуществлении ОРМ позволит связать фактическое содержание розыскных мероприятий с механизмами их предварительной правовой легитимации.

Указание сведений о лицах, пропавших без вести, в перечне информации, наличие которой допускает проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права, позволяет восстановить логическую последовательность регулирования. Основание вмешательства в этом случае соотносится с задачами оперативно-розыскной деятельности.

Для этого предлагается изложить п. 2 ч. 2 ст. 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и п. 2 ч. 2 ст. 8 Закона Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 687 «Об оперативно-розыскной деятельности» в следующем виде: «о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно, а равно о лицах, пропавших без вести».

Список использованной литературы:

1. Артюхов А.В., Корнаухова Н.Г. Организационно-правовые основы участия граждан в розыске лиц, пропавших без вести (по материалам Главного управления МВД России по Волгоградской области). *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2023;(1):101–107.
2. Буряков Е.В. Розыск в сети Интернет. *Оперативно-розыскное право*. 2020;(1):14–17.
3. Гладышева О.В., Семенцов В.А., Лошкобанова Я.В. Искусственный интеллект и цифровые (электронные) доказательства в уголовном судопроизводстве. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;(1(16)):89–99.

References:

1. Artyukhov A.V., Kornaukhova N.G. [Organizational and legal framework for citizen participation in the search for missing persons (based on materials from the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Volgograd Region)]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii = Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(1):101–107. (In Russ.)]
2. Buryakov E.V. [Search on the Internet]. *Operativno-rozysknoe pravo = Operational-search law*. 2020;(1):14–17. (In Russ.)]
3. Gladysheva O.V., Sementsov V.A., Loshkobanova Ya.V. Artificial Intelligence and Digital (Electronic) Evidence in Criminal Proceedings. *YUridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;(1(16)):89–99. (In Russ.)]

4. Закаев С.А. Понятие и сущность организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по розыску лиц, пропавших без вести, в условиях контртеррористической операции и вооруженных конфликтов. *Правопорядок: история, теория, практика*. 2023;(2):188–192.
5. Иванов П.И. Оперативно-розыскная наука о розыскной и идентификационной деятельности органов внутренних дел. *Философия права*. 2021;(3):86–90.
6. Иванов П.И. Розыскная и идентификационная деятельность как единая система: точка зрения. *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2023;(3):154–158.
7. Иванов П.И. Существенно-содержательная характеристика системы «розыскная и идентификационная деятельность», ее структура. *Аграрное и земельное право*. 2024;(10):347–350.
8. Карякин А.М. Особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях розыска лиц, пропавших без вести. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2020;(2):158–164.
9. Кудра Д.М. Оперативно-розыскное мероприятие «снятие информации с технических каналов связи при осуществлении розыска лиц, пропавших без вести». *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. 2020;(2):131–137.
10. Ложис З.З., Чупахин Р.В. Актуальные проблемы использования геолокационных данных при розыске несовершеннолетних, пропавших без вести. *Российский следователь*. 2022;(4):23–27.
11. Майдыков А.Ф., Майдыков А.А., Парфенов А.В. Основные проблемы определенности норм права, регулирующих оперативно-розыскную деятельность в Российской Федерации. *Пробелы в российском законодательстве*. 2022;(5):349–358.
12. Николук В.В. О судебном санкционировании оперативно-розыскных мероприятий. *Российская юстиция*. 2024;(4):10–18.
13. Пупынин С.С., Парфенов А.В. Особенности розыска лиц, пропавших без вести. *Закон и право*. 2021;(4):156–158.
14. Семенов В.А., Гладышева О.В. Сущность и направления судебной деятельности в досудебном уголовном производстве. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право*. 2012;(7):61–66.
15. Семенов В.А. Допрос оперативного сотрудника по законодательству России и Таджикистана. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;(3(16)):79–88.
16. Тамбовцев А.И., Павличенко Н.В. Объективные оценки нравственности содействия оперативно-розыскным органам. *Труды Академии управления МВД России*. 2021;(3):139–147.
4. Zakayev S.A. [Concept and Essence of the Organization of Operational-Investigative Activities of Internal Affairs Bodies to Search for Missing Persons in the Context of Counter-Terrorism Operations and Armed Conflicts]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Law and Order: History, Theory, Practice*. 2023;(2):188–192. (In Russ.)]
5. Ivanov P.I. [Operational-Investigative Science of Search and Identification Activities of Internal Affairs Bodies]. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*. 2021;(3):86–90. (In Russ.)]
6. Ivanov P.I. [Search and Identification Activities as a Unified System: Point of View]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(3):154–158. (In Russ.)]
7. Ivanov P.I. [Substantial characteristics of the «search and identification activities» system, its structure]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*. 2024;(10):347–350. (In Russ.)]
8. Karyakin A.M. [Features of conducting operational-search measures to find missing persons]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;(2):158–164. (In Russ.)]
9. Kudra D.M. [Operational-search measure «removing information from technical communication channels during the search for missing persons»]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Forensic science: yesterday, today, tomorrow*. 2020;(2):131–137. (In Russ.)]
10. Lozhis Z.Z., [Chupakhin R.V. Actual problems of using geolocation data in the search for missing minors]. *Rossiiskij sledovatel' = Russian investigator*. 2022;(4):23–27. (In Russ.)]
11. Maidikov A.F., Maidikov A.A., Parfenov A.V. [Main problems of clarity of legal norms governing operational-investigative activities in the Russian Federation]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*. 2022;(5):349–358. (In Russ.)]
12. Nikolyuk V.V. [On judicial sanctioning of operational-investigative measures]. *Rossiiskaya yusticiya = Russian Justice*. 2024;(4):10–18. (In Russ.)]
13. Pupynin S.S., Parfenov A.V. [Specific Features of the search for missing persons]. *Zakon i pravo = Law and Order*. 2021;(4):156–158. (In Russ.)]
14. Semenov V.A., Gladysheva O.V. [The essence and directions of judicial activity in pre-trial criminal proceedings]. *Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*. 2012;(7):61–66. (In Russ.)]
15. Sementsov V.A. [Interrogation of an operational officer under the legislation of Russia and Tajikistan]. *Yuridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;(3(16)):79–88. (In Russ.)]
16. Tambovtsev A.I., Pavlichenko N.V. [Objective assessments of the morality of assistance to operational-search agencies]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Transactions of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;(3):139–

17. Шахматов А.В., Глубоковских Р.В. Понятие и содержание розыскной работы оперативных подразделений органов внутренних дел. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2021;(2):118–125.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Одиназода Исфандиер Ахмад

кандидат юридических наук, докторант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0009-0003-5406-3090

Author ID: 4528–7955

147. (In Russ.)]

17. Shakhmatov A.V., Glubokovskikh R.V. [Concept and content of investigative work of operational units of internal affairs bodies]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;(2):118–125. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Isfandiyor A. Odinzoda

Cand. of Sci. (Law), Doctoral Candidate at the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0009-0003-5406-3090

Author ID: 4528–7955